

УДК 81'28 (470.53): 398.4

МОТИВАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ «ВСЕЛЯЮЩИХСЯ» ДУХОВ (по данным говоров и мифологических рассказов Пермского края)¹

Ирина Ивановна Русинова

к. филол. н., доцент кафедры общего и славянского языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. irusinova@mail.ru

В статье на материале данных пермских говоров и мифологических рассказов рассмотрены мотивационные модели номинаций духов, вселяющихся в человека. Определены мотивирующие сферы, порождающие такие номинации: «Демон», «Человек», «Животное», «Предмет». Наиболее продуктивна из них семантическая область «Человек». Она включает несколько мотивационных групп – названия человека (в том числе собственные имена), действия человека, производимые звуки, членораздельная речь. Особая роль в порождении названий духов принадлежит мотивационной группе «Человек со сверхъестественными свойствами». Вторая по значимости – мотивирующая сфера «Животное», в ней активностью отличается энтомологическая лексика. Таким образом, главными мотивационными моделями названий «вселяющихся» духов являются антропонимическая и зоонимическая.

Ключевые слова: народная демонология; люди со сверхъестественными свойствами; духи, вселяющиеся в человека; пермские говоры; мифологические рассказы Пермского края; демонологическая лексика.

Данная статья продолжает исследование номинаций, используемых в пермской диалектной речи для обозначения особого мифологического феномена – так называемых «вселяющихся» духов (термин Л.Н.Виноградовой), т. е. духов, внедряемых колдуном в тело жертвы и вызывающих различные болезни. В предыдущих работах мы рассматривали вопросы, связанные с воплощением в лексических единицах представлений о связи колдунов со своими помощниками-чертями, о визуальном и звуковом портрете этого вида демонов [Русинова 2010а, Русинова 2010б, Русинова 2011].

Задача настоящей статьи – определить мотивационную семантику лексических единиц, называющих «вселяющихся» духов, т. е. рассмотреть то, как представления о данном виде нечистой силы отражаются во внутренней форме этих единиц.

В качестве материала в работе использованы данные электронной картотеки «Словаря демонологической лексики Пермского края», составляемого И.И.Русиновой, А.В.Черных, О.И.Васневой, К.Э.Шумовым на основе полевых матери-

алов, опубликованных фольклорно-этнографических сборников Пермского региона и пермских диалектных словарей (см. список источников)².

В своем анализе языкового материала мы опираемся на методику этнолингвистической интерпретации семантических полей, предложенную Е.Л.Березович [Березович 2007]. Проследим только одно направление мотивационного взаимодействия – связь единиц, называющих «вселяющихся» духов, с мотивирующими словами.

Для анализа была выбрана небольшая, но показательная в мотивационном отношении группа единиц семантического поля «Народная магия». «Вселяющиеся» духи, по нашим наблюдениям, переживают два «превращения», дважды «пересекают» границы человеческого тела, и, таким образом, имеют три ипостаси: 1) выступают в качестве помощника колдуна, орудия магического воздействия, будучи еще не вселенными в жертву; 2) обитают в теле жертвы, будучи вселенными туда колдуном; 3) покидают тело жертвы, будучи изгнанными с помощью лечебной магии»

[Русинова 2010б: 14]. В настоящей работе речь пойдет о второй и третьей ипостасях этих мифических существ.

Надо сказать, что четкой границы между этими тремя этапами «жизни» данных духов нет, хотя можно отметить некоторую разницу во внешнем облике и звуковом поведении «вселяющихся» духов на стадии до и после вселения в тело жертвы. Мифологические рассказы ярко представляют визуальный портрет этих демонов – помощников колдуна, когда они еще не внедрены в человека. Звуковой портрет на этой стадии развития духов практически не представлен или представлен слабо, но чаще он совпадает с визуальным (если это котята, то они пищат и т. д.). Поэтому звуковое поведение духов в этой ипостаси не находит отражения в их номинациях.

Когда же «бесенок» попадает в жертву, он начинает активно проявлять себя различными звуками, которые описываются целым рядом глаголов и обнаруживаются в том числе в названиях вселенных колдуном демонов. Причем можно отметить следующую тенденцию: если у вселенного духа описано звуковое поведение, то, как правило, отсутствует визуальный портрет, но если описан внешний облик духа, то он чаще всего «молчит». Данная зависимость объясняется, на наш взгляд, тем, что существует противоречие между образом-воплощением духа и его звуковым портретом. Когда бес «внутри», он часто имеет облик насекомого (мухи, жука, таракана, бабочки), мелкого животного или птицы (мыши, лягушки, змеи), полиморфного существа – предмета с явными признаками животного (глазами, волосами, усиками и т.п.), реже – маленького человечка. Однако он говорит как человек или производит звуки, характерные для домашних животных и птиц (собаки, петуха и под.) [Русинова 2010: 15–16]. Причем тексты чаще всего обнаруживают несовпадение двух кодов – визуального и звукового – или их трансформацию: *Ей в молодости икотку на колодеце поставили. В детстве она гуляла с парнем одним, жениться собирались, но мать его бывшей девки икотку наговорила на её имя и фамилию и бросила в колодец. Та и выпила да с тех пор **плетушиному** всё **пела**. А недавно встретились мы снова. Я её про икотку спросила. А она мне говорит: «Пошла я на пасеку. Там пчёлы живут, и стало мне до того плохо, что подумала – смерть пришла. Стала я Бога молить, чтоб хоть умереть без икоты. Тут меня рвать стало, выbleвала **рыбину** небольшую. Это икота моя за столько лет так выросла (Сейва Гайн.) [Русские 2008: 251]. С грибами **муха** в рот попала, а те-*

*перь она **лягушка** ужже. Прёт всё время, водички надо (Белкина Солик.)*

Проведенный анализ позволил выделить несколько тематических сфер, единицы которых послужили мотивирующей базой для интересующих нас номинаций.

1. Данные мифологические персонажи часто получают названия, служащие либо общими, либо частными наименованиями нечистой силы. То есть первой мотивирующей тематической областью для единиц изучаемой группы мы можем назвать сферу «**Демоны**». Чаще всего используются слова *бес* и *черт* или их дериваты: *Да колдуны делали. Человека испортят, он и мается. Так кричит нечеловеческим голосом. Только это не человек кричит, а **бес** (Узьяр Куед.) [КБ 2004: 76]. Потом она захворала, спортил он её. Временами дурела. **Бесоватый**, чертёнок-то в ней был (Б.Долды Черд.). Жила одна колдунья, она приютила одного мальчика. Сварила как-то раз пиво, стала обносить всех. А девочка к мальчику пересела. И ей **чертёнок** попал, засел в горле. Она хыркала-хыркала – не выходит. Доставать его стали, а он кругом зацепился, везде лапы-лапы (Нечкино Краснов.). У мужа моего **чёртик** в голове был. Ходили к женщине одной. Чёртика так просто не выведешь (Б.Долды Черд.). Чертёнок. Посадят, разговариват, и он всё рассказывает (Керчево Черд.).*

Реже обозначением этих духов служат наименования других демонов: *У её **кикимер** в брюхе, икотка. Она падат, с её пот бежит, а икотка говорит чё попало (Перемское Добр.) [СПГ 1: 388].*

Иногда номинация отражает нематериальную сущность объекта: *Я, говорит, не человек, я **душок**, в горлышке сижу (Покча Черд.).*

Следует подчеркнуть активность уменьшительных суффиксов в номинациях этой группы: -ёнок-, -ик-, -ок-. Это косвенное (грамматическое) указание еще на один мотивировочный признак изучаемых слов – размер объекта.

2. Самой продуктивной мотивирующей областью для анализируемых единиц выступает семантическая сфера «**Человек**». Внутри нее выделяется несколько мотивационных групп.

2.1. Номинациями «вселяющихся» духов прежде всего могут быть общие названия человека или слова, образованные с участием корней муж-, жен-: *Бабка была. Придёт и начинает: «Вот такая я, вот такая я», и матюкалась. **Человек** у ней, человек тама. Она не может сама себя сдержат. Он ей руководит. Она испорченная была (С. Шагирт Куед.) [КБ 2004: 78]. И своего мужа лечила. Заболел шибко, крепко, колдун его попортил. Принесла ему водку. Я ему нагово-*

рила. Встала в три часа, подошла к нему, а он целый горшок наблевал. Я взяла этот горшок, вылила в банку с водой. А в банке сидит **человек**. Голова, уши человечьи, руки человечьи, а лапы собачьи и хвост как у мышонка. Потом приехала врач из больницы, в микроскопелю его смотрели. Унесли человечка. Потом его заспиртовали. А человек-то живой был: то ляжет, то встанет (Чердынъ). У нас во время войны, там ниже, в своем я родном доме жила, стояла [на постое] **женщина**. С матерью жила. А у матери была **порча**. А был посажен мужчина ей, **мужская порча** была. Как начнёт матькаться, как начнёт матюкаться! (Вильва Солик.) [ЗС 2006: 165]. [Ее голос говорит?] Нет, не находит на её. Другой голос. **Мужчина** сидит **порча** – по-мужски [говорит], **женщина** – женщиной (Печмень Бард.).

2.2. Еще одну группу представляют единицы, мотивированные наименованиями человека по возрасту. Дух болезни чаще предстает в облике ребенка или незрелого мужчины, реже – старика (старухи): *Сосед приходил, ему чего-то понадобилось. Ему отказали. Через какое-то время он встречает соседку и говорит ей: «Санька, ты попомнишь у меня», и дотронулся у ей до плеча. С той поры баба стала хворать. Потом всё же нашли бабку. Она её в баню повела, давай парить. Парила, парила, и из бабы-то **ребёночек** вылезает, грязный, как ком. Бабка поймала его и в каменку бросила. Только крик раздался (Покровское Нытв.) [Нытва 2001]. [Икотка – это кто?] У меня вот **мальчик**. Он сам сказал (Пянтег Черд.). Она с кем разговаривает, а внутри-то у ней как заухат, заухат. Потом Дуня молчит, и внутри молчит. Дак вот у её это **молодчик** был, там **молодчик**. Чё за **молодчик** был, не знаю, разговаривает внутри (Половодово Солик.). **Молодчик** ругался. Он боговерных не любит (Акчим Краснов.). Семёнович у неё был, **парень** посажен был. Один раз напилась формалину. Мы заходим в избу – формалином везде воняет, а **карга** [икотка] из неё запричитала тоненьким голоском: «Ой, я хотел напиться, напиться, хотел хозяйюшку убить, да не смог». Видно, она старая стала, ему бы выйти, да не смог. Всё говорил: «Хозяйюшка умрёт – молодую найду себе, побаче» (Асюл Бард.). А тот-то рассердился, что она, видимо, хочет выпить [у него вино] и такое ей сделал. Видно, уже готово было у этого мужчины, чтобы попортить. Её стало тоже рвать, и она, говорит, это, **старичка** какого-то выbleвала. Такое белое, как мясо (Вильгорт Черд.).*

В качестве единиц, называющих вселенного духа, могут использоваться и другие слова, указывающие на возраст человека, например суще-

ствительное **карга**, использованное в приведенном выше примере записи из д. Асюл Бардымского района. В русском языке **каргой** называют злую и безобразную старуху [Ожегов 2008: 266].

В номинациях этой группы находят отражение два мифологических мотива. Первый – это «рождение» порчи, мотив, характерный для славянских представлений о «вселяющихся» духах [Виноградова 2000: 295] и отразившийся в пермских мифологических рассказах: *Женщина пошла в баню и **родила порчу**: голова кошачья, кругом глаза. Они её в туюсок и в печь сунули. Так и сожгли (Касиб Солик.). Видела раньше, **рожали икотку** стары бабы. Она [икотка] вся в глазах, как берёста кругом, вся в глазах. Чёрные глаза, блестящие, с хвостиком (Асюл Бард.). **Порча рождается** как ребёнок, а вся в глазах. В печь её бросали – так орёт. Жгать её надо (В.Сава Куд.) [КБ 2004: 77]. Судя по нашим данным, чаще всего рождается существо с явными признаками животного – глазами, хвостом, характерной головой или лапами. Но некоторые тексты (см., например, запись из села Покровского Нытвенского района) свидетельствуют о близости актов рождения порчи и человека: появление существа происходит в бане, рожденное существо имеет антропоморфный облик (это **ребёночек**). Отличает «порчу» только то, что родившийся дух **грязный, как ком**.*

Второй мотив, отраженный номинациями данной группы (**мальчик, молодчик, парень, старик**), – злой дух чаще всего говорит о себе в мужском роде, несмотря на то что его «вместилищем» чаще всего является женщина. Иногда даже этот дух называется существительным женского рода, как в примере про **каргу**, но говорит он все равно от имени «мужчины»: ... *карга из неё запричитала тоненьким голоском: «Ой я хотел напиться, напиться, хотел хозяйюшку убить, да не смог».* Об этом же мотиве пишет Е.Е.Левкиевская в статье «Кликушество» словаря «Славянские древности» [СД 2: 510].

2.3. Отдельно следует сказать о словах тематической группы «Семья», которые тоже используются для номинации «вселяющихся» духов. В частности, в наших материалах есть единицы **баба** ‘жена’, **робята** ‘дети’: *Ой, у меня мать сама с порчей была... Сидели у ней четверо. «Я Павел-Григорий, – говорил, а баба моя татарка и двое **робята** у нас» (Пожва Юсьвин.) [Русские 2008: 251].*

На «семейные» отношения группы «вселяющихся» духов могут указывать форманты называющих их слов **-иха** и **-ёнки**: *Потом она [высушенная ящерица] **сростается**. И стала разговаривать. Люди узнали: «Как, говорит, у тебя зо-*

вут там живульку?» Она [хозяйка] говорит: «Макарко»... [Хозяйка бесу] говорит: «Я тебя выживу», а он отвечает: «А у меня Макариха есть». – «Я и её выживу». – «А у меня макарёнки есть» (Камгорт Черд.).

Формант *-иха* в русских антропонимических моделях используется для называния жены по имени мужа. Финаль *-онки(ёнки)* в русских говорах выступает дублетом литературного окончания *-ата(-ята)* и имеет грамматическое значение 'детёныш животного (человека)': *котёнки, собачонки, ребёнки*.

Как видим, в единицах данной мотивационной модели находит отражение представление о «человеческом» устройстве «жизни» духов. Этот же мотив обнаруживают мифологические тексты о других представителях низшей мифологии («семья», по крайней мере «жена», может быть у лешего, домового, банника): *Вот вижу сон. Пришёл банник со своей банишыцей. Вот так, говорит, они начали меня хватать. И банишыца-то и говорит мужу-то своёму: «У неё на шее крест, у неё на шее крест. И иё, говорит, с крестом-то не возьмёшь»* (Нырб Черд.).

2.4. Часто дух, обитающий в теле больного, получает «человеческое» прозвание – наделяется именем собственным: *Она сама-то не говорит, а то в ней икота говорит. Икота из желудка говорит – молодчик Ваня себя называет. В старухе сидит. Она [старуха] только рот раскрывает; Икота разговаривает человеческим голосом* (Акчим Краснов.). *Мясо никогда не ела икотка. Сидит, бывало, и вот начинает икать. То конфеты попросит. Она как говорит, и не она. Тот [чертёнок] её заставляет. А, бывает, они называются. Того-то, кажется, Иванов звали. Говорил мужским голосом* (Чермоз Ильин.). *Ивашка посаженной был у Фаи. Она придёт, скажет: «Опять ведь Ивашка меня тербит». Я говорю: «Ивашка! Ты перестань её это! А то я тебя в туюсок запру, сожгу, и всё». А он говорит: «Ничё не будет! Я навечно посаженной»* (Калинино Кунг.) [СРГЮП 1: 339–340]. *Уж во мне сидит, да не один ещё. Крест-от в своё время не носила, колдуны и напоили, опутали. Завидовали семье нашей. И вот живёт сейчас во мне бес Егорка. Тридцать лет уж живёт. А подали его мне колдуны с квасом. Порча вот така великая* (Перино Караг.). *У Маланьи Федотовны порча-икотка был. Его Григорием Ивановичем звали. Он пицал так, когда говорил. И заикой был. Ворожил* (Б.Кусты Куед.) [КБ 2004: 78–79].

Иногда «посаженный» дух получал имя по своему «хозяину» – тому колдуну, который его «вселил». По форме такое имя является отчеством (Семенович). Таким образом в народном

сознании подчеркивается связь колдуна с нечистой силой, которая в данном случае осознается как родственная: *Сестра рассказывала: пришёл мужик Семен Яковлевич к нам. Шаньги ему не подали, он дошёл до ворот да и посадил там. Здесь ворота были, и там ворота были. Она стала выходить в ворота, стала доходить – залетела ей мошка кака-то в горло. Она кашляла, кашляла, потом день прошёл – ей мешать не стало. По отцу [колдуну] он [икотка] Семёнычем себя навеличивал* (Асюл Бард.).

«Родственные» отношения могут связывать не только колдуна и его чертей, но и самих вселенных бесов друг с другом. Поэтому личные имена получает «семейная пара» таких духов: *У нас одной порчу по ветру пустили. «Манька да Ванька», – так они себя называли. Её старухи как-то достают* (Никольск Куед.) [КБ 2004: 77]. *Говорили, у мамы два чертёнка внутри сидели. Их звали Филарет Васильевич, Миладора Васильевна. Как в горло они кинутся, так её скипидаром отваживали... А кто спортил, тот и имя давал чертям* (Черд.). Иногда бывает «посажена» даже «семья с детьми». В качестве примера можно рассмотреть рассказ о «вселенных» *Макарке, Макарихе и макарёнках*.

Стоит отметить, что некоторые номинации чертей–помощников колдуна тоже могут образовываться от личных имен. Но поскольку отличительной чертой образа этих злых духов является коллективность, постольку и их название приобретает форму множественного числа и оно из личного именованья переходит в эвфемистический апеллатив. В пермских материалах такой единицей выступает слово *иванушки*: *Колдунам черти помогают, конечно. А Бог знает, откуда они этих чертей берут, этих иванушков откуда они берут, кто его знает!?* (Вильва Солик.).

В номинациях данной группы обращает на себя внимание превалирование имени *Иван* и его дериватов: *Ваня, Ивашка, Иванович, иванушки*, именной пары *Манька да Ванька*. Трудно назвать случайностью или простым совпадением такое соотношение имен. Слово *Иван* давно перестало быть просто мужским именем, оно превратилось в имя прецедентное, которое не только служит этническим маркером и наделяет человека определенными характеристиками, но и выступает в русской культуре заместителем слов *парень, жених, мужчина* и т. п. По мнению Е.Л.Березович, в случае с парой *Иван да Марья* «имя фактически превращено в местоимение *Иван – Марья = Он – Она*» [Березович 2007: 289]. Скорее всего, в таком наречении «вселяющихся» духов проявляет себя антропоморфизация этих демонов.

2.5. Часть наименований «вселяющихся» духов мотивирована словами, означающими действия человека.

2.5.1. Особой мотивационной группой являются единицы со значением 'производить звуки'. Звуковое поведение «вселяющегося» духа богато представлено в пермских мифологических текстах. Это может быть икание, выкликание имени духа, смех, брань, нечленораздельные выкрики, подражание крику животных, членораздельная речь [Русинова 2010б: 16–17]. Однако не все типы звукового поведения вселенного демона нашли отражение в его номинациях.

2.5.1.1. Наиболее активно отражается в интересующей нас лексике болезненное икание жертвы колдуна (по мифологическим представлениям, это действие – проявление вселенного беса). *Икота, икотка* – широко распространенные на Русском Севере номинации такого болезненного состояния, больного человека и духа этой болезни [СД 2: 402]. Приведем примеры таких единиц, называющих вселенного духа в пермских говорах: *Икота разговаривать может. Заичет, заичет и будет разговаривать, а человек себя даже не помнит* (Монастырь Гайн.) [Русские 2008: 251]. *Колдуны порчу сделают, беса внутрь посадят. Икает человек. Икоткой его называли, беса-то, вот он заикат* (Дойная Куед.) [КБ 2004: 78]. *Ак колдуны-то ещё икоту могут навести. Посадят её в человека, он и начнёт икать. Это икотка в нём разговаривает* (Чермоз Ильин.).

2.5.1.2. Способность вселенного беса к членораздельной речи отмечается многими исследователями [Виноградова 2000: 289–301; СД 2: 402, 508–511] и находит отражение как в названиях действий этого духа (*говорить, разговаривать, предсказывать, предвещать*), так и в названиях самого духа: *У которых говоруха говорит дак, он скажет, чем кормят чертей-то колдухи* (Коэпты Черд.). *Да это самый тот же чертёнок, самый чертёнок. Вот с говорухой посажен, говорухой. А у некоторых не говорит, а у некоторых многих говорит* (Пянтег Черд.). *«Мы идё работу просим [говорят беси]», – говорит вот, который говорит дак, говоруха у кого дак* (Коэпты Черд.).

2.5.1.3. Отражены в названиях духов и другие звуки, издаваемые человеком, например смех: *Это тожо говорят, что есть. Тожо говорят, что от чертей, от колдунов. У нас сватья Борниха была, так у ней кака-то **хохотунья** опеть была. Господи! На её какой-то смех найдёт, дак из мозгов кров пойдёт – так хохочет! Хоть ты чё делай – ничё не сделаешь, пока не нахохочется* (Ратегово Черд.).

2.5.2. По наблюдениям ученых, чаще всего «порча» передается с напитками, особенно с пивом и вином [Власова 1995: 288]. По-видимому, с этим связаны широко известные представления, что в человека, страдающего запоем, непременно вселяется черт [Виноградова 2000: 292]. Вообще, состояния, вызванные хмельным напитком, и болезненные состояния, вызванные колдовским воздействием, похожи: человек начинает совершать неадекватные поступки, например, кричать, подражать звукам животных, его поведение в чем-то напоминает поведение душевнобольных людей. Именно поэтому темы пьянства и внедренного беса тесно связаны в народных представлениях и находят отражение в пермской диалектной лексике в основном через глагол *пить* и его дериваты. Чаще всего бес принуждает человека пить спиртное (см. номинации «вселяющегося» духа *непитушка* и *питушко*: *А дочерито моей посажен **непитушка**. Вот она пьёт. Пировали да и посадили ей когой-то. Ей уже шестидесятый год. И всё надо ей пить. Просит: «Мама, подай, мама, подай»* (Антуфьево Бард.). *У её **питушко** посаженной, вот она и пьёт всё время, спилася* (Антуфьево Бард.). [СРГЮП 2: 333]).

А если человек употребляет спиртное по собственному желанию, то бес мучает его болезненными приступами: *Я так мучалася. Она [порча], ладно, у меня непьющая была. А я раньше ведь тоже помаленьку пила, не отпираюся, тоже пила. Я как запыю, у меня приступа *.* *Она у меня сюда лезет, в гортань. Дак я всё время, как она у меня сюда полезет, ленточку вяжу. Ленточку мне привяжут, опять туда и спускается, как комок* (Вильва Солик.).

Иногда в мифологических текстах описывается другая ситуация: односельчане, чтобы поглотиться над больным человеком, специально предлагают ему выпить, провоцируя таким образом вселенного беса на асоциальное поведение: *Самогонку принесут, попят эту бабушку, вот она и начинает, вот она и начинает. Всяко место кричит, обзывать начнёт и ругать всяко, и материться начнёт, и всё* (Печмень Бард.).

2.6. Большой мотивационной группой является ТГ «Человек со сверхъестественными свойствами».

2.6.1. Реже единицы образуются по модели колдун > «вселяющийся» дух: *Колдун во мне сидит – шибко нехорошо* (Покча Черд.).

Показательно, что слово *колдун* может быть и обозначением чертей – помощников колдуна: *Тут у нас одна рассказывала. Пришли, говорит, к ней [колдунье], пришли, мол, праздник. У ё по полу только черно, как жуки. Потом она их*

убрала. Потом, говорит, сидим в подвале. Говорит, это у тебя там черти, колдуны. Они как птички (Вильва Солик.).

В пермских говорах колдуна могут назвать *ехидным человеком* (Сплетничают, говорят: колдуны, дошлые люди, **ехидные** да, **хитрые** да (Вильва Солик.)). Существительное *ехидка*, обозначающее духа болезни, образовано по указанной выше модели: *Есть такие слова, от ехидки-то лечат, от них. Вот испортят, вот и ехидка. Человек мучится, мучится* (Покча Черд.).

2.6.2. Гораздо чаще встречаются единицы, мотивированные действиями колдунов.

Общерусской словообразовательной моделью является следующая: действие > результат действия (*портить* ‘вызывать болезнь колдовством’ > *порча* ‘болезнь, вызванная колдовством; «вселившийся» дух болезни’): *Порчи у неё, биси насажённы. Такие люди есь бисистые* (Чердынь). *Колдун порчу сажает. У кого порча, тот умирает. Если первый раз в избу заходишь, порча у порога сидит. Он рот откроет – она и залетит. Порчу ничем не выживешь, она у тебя до смерти будет* (Тетерина Солик.). *Старик был, у его в голбце семь штук сидели порчи-те, он их всех раздаривал, кому кака достанется. Одной баушке досталась, дак баушка стала нечисто говорить, сюськать. Старуха и говорит порче-то: «Я тебе питьё с молитвой подам, ты и подохнишь». А порча-та ей и ответит: «Я умная, по горбочку у тебя скатюсь, как по желобочку»* (Пож Юрлин.) [Русские 2008: 219].

Кроме вышеуказанного, и другие синонимичные глаголы могут образовывать названия «вселяющихся» духов по данной модели. Например, глагол *хитить* (дериваты *похитить*, *схитить* (*Похитил* ногу [колдун] да посадил хитку (Б.Долды Черд.). *Он похичен, испорчен, дак снять хитку надо* (Рожнево Черд.). *Схитить – это испортить. Это делает хитрый человек* (Велгур Краснов.)) дает жизнь единицам *хитка* и *хиченая икотка*: *Икотку ишо хиткой называют. На колышке да и от подружки ей попало* (Пянтег Черд.). *У меня была хитка, всю правду говорила. Теперича её нет, лонись она из меня вышла. Видно, умирать мне скоро* (Пегушино Солик.) [СПГ 2: 499]. *Хитку ли цё ли в голову посадил. У бабушек лицница. Хитка – я не знаю, порця* (Велгур Краснов.). *Вот одна у нас и родила эту икотку хиченую, значит порченую; два глаза у её огромные* (Ефремы Солик.).

Глагол *похитить*, по данным СРНГ, имеет ряд значений, в числе которых ‘обокрасть кого-л.’; ‘утаить, скрыть что-л.’; ‘утратить, лишиться чего-л.’; ‘приводить в негодность, портить, ломать’; ‘убивать, губить, уничтожать’; ‘причинить

вред кому-л. силами волшебства, сглазить’ [СРНГ 30: 348]. Думается, что «магическая» семантика данного глагола рождается на основе значения ‘приводить в негодность, портить’ (ср. подобный семантический перенос: *портить*: ‘приводить в негодность, делать плохим’ > ‘в старинных народных представлениях: ворожбой причинять вред, напускать болезни’ [Ожегов 2008: 565]).

Одним из магических способов вызывания болезни является *физический контакт* колдуна с предполагаемой жертвой. В говорах такой контакт описывается через целый ряд глаголов, среди которых нередки и единицы с семой интенсивности: *дёрнуть, дотронуться, задеть, залапывать, запятнать, погладить, потрогать, притронуться, стукнуть, схватить, трепнуть, тронуть, тыкать, тяпнуть, хлопнуть* (*Да он [колдун] вот так тебя токо трепнет по плечу – и вот тебе и всё* (Лызиб Солик.)). Считается, что для нейтрализации магической агрессии, выраженной через сему физического контакта, необходимо совершить аналогичное действие – *сдать, (с)дать сдачу, дать тычка обратно: У нас в деревне был Герасим-колдун. Так он людей-то портит. Рукой заденет, погладит. Да, говорят, надо обратно сдать* (Лимеж Черд.).

Название «вселяющегося» духа *пошибка* образовано, скорее всего, как раз от глагола *пошибать* в значении ‘наносить удар’ (см.: 1. *Пошибать, пошибить*. 1. Сшибать, сваливать, сбивать. *Пошибленный*. 1. Пришибленный, ушибленный. 2. *Пошибка*. 1. Схватка, бой, сшибка [СРНГ 31: 31–32]). Хотя данные СРНГ дают основание и для другой схемы семантического развития. Одним из значений глагола *пошибить* отмечается «испортить, изуродовать, искалечить» с пометой арх. [там же: 32]. Семантический перенос *испортить* > *вызвать болезнь колдовством* мы уже рассматривали выше. Приведем иллюстрации к слову *пошибка* ‘дух, вселенный колуном’: *А-а-а, пошибка – это, вот колдун тебе сделает это, пошибку тебе посадит, и вот ты будешь икать, икать, икать. Это бес в человеке* (Сретенское Ильин.). *У неё в груди пошибка сидит, маётся она* (Воскресенское Караг.). [СПГ 2: 195]. *Пошибка у меня в животе была, так знахарка за три дня вылечила* (Кленовка Больш.) [там же].

Можно назвать еще несколько единиц изучаемой группы, которые образуются от глаголов, обозначающих вредоносные действия колдуна. Одна из таких единиц – существительное *даровка* – тоже обозначает результат действия: *Даровку мне садили, была у меня. Потом лечила баушка* (Воскресенское Уинск.) [СРГЮП 1: 213]. Гла-

гол *дарить* в контексте пермских рассказов о колдунах имеет такое же значение, как и глагол *портить*. Общим местом в рассказах о «знающих» является мотив передачи колдуном порчи (чертей) простому человеку без его ведома и желания. Такая передача осмысливается как акт «дарения», а сама порча как «подарок»: *Говорит, нужно кукиши делать. Мать раз-то сделала, а колдун-то знал, что кукиши-то держишь. Он всё знает. И снохе вот подарил. Когда пировали, [подали] в рюмочке винца, да и умерла она* (Антуфьево Бард.). *Вилы вверх рогами переверни от колдуна. С колдуньями ругаться надо, мирно жить с ними нельзя, колдовство подарит* (Б. Кусты Куед.) [КБ 2004: 58].

Похожая семантика имеется и у номинаций духа болезни *гостинец, гостинцы*: *Старику в больнице сказали вино после бани пить. Это ему на вине гостинцы-то попались – вот вино и велят пить* (Пянтег Черд.). *Вот ему гостинцы и посадили, а какой нарыв был!* (Андронов Чернуш.) [СРГЮП 2: 417].

3. Третьей семантической сферой, мотивирующей единицы группы «Вселяющиеся духи», выступает сфера «Животное».

3.1. «Диких животных» народное сознание членит на четыре класса, каждому из которых свойственны свои характерные особенности: 1. звери, 2. гады с подгруппой насекомых, 3. птицы и 4. рыбы» [СД 2: 217–218].

3.1.1. Пермские материалы показывают, что для номинации «вселяющихся» духов активно используются лексемы второго класса «гады», и это коррелирует с выводами ученых, сделанных на общеславянском материале. Например, Л.Н.Виноградова, посвятившая анализу «вселяющихся» духов раздел своей монографии, отмечает: ««Вселяющиеся» духи – это незримые и бестелесные мифические существа, способные при определенных обстоятельствах принимать вид насекомого (чаще всего мухи, – что не типично для форм оборотничества черта) или хтонического животного...» [Виноградова 2000: 298]. «Гады – животные, выделяемые в традиционной народной культуре в особый класс хтонических животных. К гадам относятся в основном пресмыкающиеся (прежде всего змеи) и земноводные (лягушки, черепахи и др.), но также насекомые и некоторые другие животные, например, мыши и змееподобные рыбы (вьюн, угорь), черви и гусеницы. Близки к ним и некоторые птицы» [Гура].

3.1.1.1. Самой продуктивной мотивационной группой внутри этой тематической сферы следует назвать ТГ «Насекомые». Наиболее распространенной личиной этих демонов в пермских

материалах является муха, а энтомологическая лексика широко используется как для называния духов – помощников колдуна [Русинова 2010а: 18–25], так и вселенных духов: *Когда человек умирает, икотка вылетает из него серой бабочкой. Она на дверях сидит сверху, дожидается на воротах. Пройдешь не благословясь, если еще родители изругают, она на тебя и переселится* (Асюл Бард.). *Одна у нас болела, порчу содеяли. Дак знахарка смотрела – жук такой весь рыжий у ё из горла выпал* (Соликаамск). *Она стала выходить в ворота, стала доходить – залетела ей мошка кака-то в горло* (Асюл Бард.). *Они [колдуны] их выпустят, муха маленькая залетит в тебя, и всё, будешь жить и мучаться. Муха-то там растёт в человеке, болеет человек, болеет да всё равно умрёт. Она у него там всё проест, точит его* (Лызиб Солик.) [ЗС 2006: 161]. *У меня три порчи в жизни было. Первая в тринадцать лет. С грибами муха в рот попала* (Белкина Солик.). *Две девочки пришли к одной женщине. Пришли, а она лук из одной корзины в другую пересыпает. Выбежали тараканы. Один забежал девочке в бок, а другой – другой девочке в живот. У первой девочки на боку чирей выскочил, а таракан оттуда усамы шевелит* (Чердынь).

3.1.1.2. Широко отражается в пермских говорах представление о вселенном духе, имеющем облик червя: *Червяка скормили, ну она порченная и была. Дурела, така у ей была сила страшная* (Сыра Сукс.) [СРГЮП 1: 255]. *А дочери-то моей посажен Непитушка. [Вы его видели?] Да. Как подвид он червяком* (Антуфьево Бард.). [Когда] она [жена колдуна] умерла, говорят, что у ней вот такой червь выполз. Он [колдун], бат, её спортил. Чё-ко наделал кому-то, а ей попало (Н.Язьва Краснов.).

3.1.1.3. Единицы мотивационной группы «Земноводные» и «Пресмыкающиеся» тоже часто выступают семантическими дериватами – обозначениями «вселяющихся» духов: *Делалась из сметаны и масла мазь. Потом отморачивали – кормили, надо, чтобы вырвало. И выходил змеёнок* (Калиновка Чернуш.) [СРГЮП 2: 261]. *Она [дочь] рассказывает, что старуха одна лягушку вылевала перед смертью. Потом опять жуком вот, который говённый считается, вылетает из них. Она порченная была, этот порча вылетает из них* (Петрецово Черд.). *У нас вот отец-то тоже... Говорили, что ему сделали. Он в туалет пошёл, стало его рыгать, и какую-то как лягушку вылевал* (Вильгорт Черд.). *Взяла Соколица ящерицу, высушила, мелко искрошила, подала в вине. Хотя сушёная, ящерица срослась внутри*

(Камгорт Черд.). *Икот садили: ящер, лягуш, рыб* (Камгорт Черд.).

3.1.1.4. Названия мелких грызунов, мыши или крысы, по сведениям ученых, тоже могут обозначать «вселяющихся» духов [РДС 1995: 241]. Пермские материалы вполне коррелируют с данными других регионов России: *Она и говорит: Орина-то умерла, а меня Анна-то созвала, сноха-то созвала с ей поспать, боится одна-то. Дак она говорит: я всю ночь на западне спала. Токо шум стоит. Мыши-то, говорит, на её набежали, на покойную-то, да только всю ночь у неё на груди лежали мыши-те. Я пошевельюсь – они прыгают, я пошевельюсь – оне прыгают. И под шешток, с её и под шешток. Вот она колдунья была* (Зуево Солик.) [ЗС 2006: 162].

3.1.2. Наконец можно назвать еще одну мотивационную группу. К ней относятся единицы, в актах первичной номинации являющиеся ихтионимами. Несмотря на то что рыбы в народном представлении составляют отдельный класс, с хтоническими животными их объединяет стихия воды. Поэтому использование ихтионимов в роли номинаций злых духов, вселяющихся в человека, вполне закономерно: *Пошла я на пасеку. Там пчёлы живут, и стало мне до того плохо, что подумала – смерть пришла. Стала я Бога молить, чтоб хоть умереть без икоты. Тут меня рвать стало, выблевала **рыбину** небольшую. Это икота моя за столько лет так выросла* (Сёйва Гайн.) [Русские 2008: 251]. *Икот садили: ящер, лягуш, **рыб*** (Камгорт Черд.).

3.2. Среди единиц изучаемой группы мало таких, которые называют домашних животных и птиц. Причем эти единицы выступают скорее не номинацией «вселяющегося» духа (они используются в составе сочетаний, называющих конкретный вид «порчи»: *(по)садить кошку, собаку, петухов* и т.п.), а указанием на его проявление (звуки животных, птиц – лай, кукареканье; зуд, другие болезненные проявления): *Меня самую портит. Я хворала. **Собаку** мне посадили. Как я лаяла!* (Керчевский Черд.). *Икоток садят. У нас не было этого в Асюле, никто не слышно. А в Ашатле-то каких-то **петухов** всё садили, всё **кукорекали**. Человеку сделают, и он кукурекал. Борцову тоже попадало, тоже кричал* (Асюл Бардым.). *Он не взял девушку из семьи колдунов. Ему за это посадили на шею **кошку**. Никто её не видел, а он чувствовал, что она ему **шеем*** (Н. Шакшер Черд.).

4. Мотивационная сфера «**Предмет**» для номинаций данной ипостаси «вселяющихся» духов практически не представлена. Хотя среди названий чертей – помощников колдуна такие единицы есть: бесы могут «казаться» людям *стеклыш-*

ками, булавками, рыбьей чешуёй. В наших материалах присутствует несколько примеров, когда злой дух обнаруживает себя как предмет: либо неопределённой формы: *Третья порча. Двадцать лет назад это было. Мне голову посадили. Колдунья мне платье дала, и **фигурка** мне в ухо впрыгнула. После этого голова стала болеть. Колдунья потом пыталась меня: мол, болит ли голова-то? А я ей наоборот говорила, что она не болит. Пусть думает, что плохо голову-то посадила* (Белкина Солик.); либо формы конкретной реалии: *Тётке Насте икотку посадили. Она в Майкор ездила, попросила пива пить. Ей дали, она пила, а на дне конский олош оказался. если бы она всё допила, то у её бы она полностью была, а так только наполовину* (Пожва Юсьвин.) [Русские 2008: 250].

Надо сказать, что мы проанализировали выше только главные мотивирующие сферы. Но в рассказах о «порче» присутствуют и такие, в которых «вселяющийся» дух описан как полиморфная сущность, т. е. такая, в которой совмещаются признаки предмета и живого существа. Это «не-что» (или «некто»?) имеет форму какого-либо предмета (*колобок, комок* и т. п.) и детали облика, сближающие его с живым существом.

Иногда корень просто «сообщает», что этот дух – живое существо: *Потом она [высушенная ящерица] сродатся. И стала разговаривать. Люди узнали: «Как, говорит, у тебя зовут там **живулька?**» Она говорит: «**Макарко**»* (Камгорт Черд.).

Но чаще неоднословная номинация содержит описание какой-либо характерной черты в облике персонажа. Наиболее представленной в текстах пермских мифологических рассказов является деталь «глаза»: *У нас одной порчу по ветру пустили. Её старухи как-то достают. Она как **колобок с глазами**. Её надо сразу в туюсок и сжечь, а то перейдёт. И заслонку сразу крепко закрыть* (Никольск Куед.) [КБ 2004: 77]. *Родила одна порчу. Я слышала, видели люди: **коммок с глазами**. Глаза то открываются, то закрываются. В туюсок её сразу надо и в печь. Иначе не избавиться от неё* (Н. Тымбай Куед.) [там же: 76]. *Вот одна у нас и родила эту икотку, хиченую, значит порченую; **два глаза** у её огромные* (Ефремы Солик.).

Иногда порча выглядит как бесформенный предмет, покрытый волосами: *У нас соседка была, дак она говорила, у неё порча. Ворожила, деньги зарабатывала. Она говорила: «Я молодчик, красненький». Она как-то в себя говорит. Старушка совсем она была, в больницу она ходила. Ей доставали – такой **волосняной кусок*** (Куеда) [КБ 2004: 77].

Можно указать еще один мотивировочный признак единиц данной группы – маленький размер вселенного «существа». Он реализуется в суффиксах субъективной оценки и лексических единицах с корнем *мал-/мел-*: *Маленькие-то в голове уснули, а она и говорит тогда...* (Бахари Краснов.). В самих номинациях нет указания на то, что обозначаемый ими «предмет» живой, но синтагматические связи этих единиц свидетельствуют о его «одушевленности» (*маленькие уснули*).

Маленький размер свойствен и для духов, еще не вселенных в человека, когда они находятся в роли помощников колдуна. В качестве таких номинаций, кроме указанного выше, используется синонимичное прилагательное *мелкий*: *Вот они и портят человека-то, и порчу садят. У меня дак две порчи было. Кто его знат, зачем они садят. Куда-то им чертей-то девать? У её же черти, эти как иванушки, маленькие* (Вильва Солик.). *Этта люди суковатые многи есь, вот с мелкими-то, с бесами-то* (Дий Черд.).

* * *

Проведенный мотивационный анализ названий пермского регионального варианта «вселяющихся» духов позволил нам прийти к следующим выводам.

Наиболее значимой семантической областью, единицы которой служат мотивирующей базой для описываемой лексики, является семантическая сфера «Человек». Именно смыслы, рожденные в этой сфере, прежде всего актуализируются в единицах исследуемой группы: «вселяющийся» дух не только получает те же названия, что и люди (*человек, ребёнок, парень, старик; колдун*), но и наделяется личным именем человека (*Ивашка, Семенович, Григорий Иванович*); в его названиях нашли отражение действия человека (*дарить* → *даровка; пить* → *питушко, непитушка; портить* → *порча; хитить* → *хитка*), звуки, издаваемые человеком (*икать* → *икота, икотка; смеяться* → *хохотунья*), членораздельная речь (*говорить* → *говорун*). Таким образом, ведущей мотивационной моделью для единиц исследуемой группы является *антропонимическая*.

Следующей по значимости можно назвать мотивирующую сферу «Животное». Зоонимы (чаще энтомологическая лексика) выступают как семантические дериваты и служат названиями «вселяющихся» духов. Следовательно, второй по продуктивности в исследуемой группе можно назвать зоонимическую модель.

Разнообразие лексических единиц исследуемой группы определяется прежде всего табуиро-

ванием имени нечистой силы. Почти все они являются наименованиями, возникшими в акте вторичной номинации, и выступают как эвфемизмы.

Примечания

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке гранта, выполняемого в рамках тематических планов по заданию Министерства образования РФ, № 6.3782.2011, гранта РГНФ № 12-34-01043а1.

² Если источник не обозначен, значит, в статье использованы полевые материалы авторов «Словаря демонологической лексики Пермского края».

Список источников с сокращениями

Русские – *Бахматов А.А.* Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования / А.А.Бахматов, Т.Г.Голева, И.А.Подюков, А.В.Черных. Пермь: ОТиДО, 2008. 502 с.

Нытва – *Подюков И.А.* Нытва: Традиционная культура, язык и фольклор. В помощь этнопедагогу и краеведу. Нытва; Пермь: РУО-ПОИПКРО, 2001. 70 с.

ЗС – *Подюков И.А., Черных А.В., Хоробрых С.В.* Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2006. 224 с.

СПГ – *Словарь пермских говоров*: в 2 т. Пермь, 2000–2002.

СРГЮП – *Словарь русских говоров Южного Прикамья* / И.А.Подюков (науч. ред.), С.М.Поздеева, Е.Н.Свалова, С.В.Хоробрых, А.В.Черных; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2010–2012. Вып.1–3.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф.П.Филина, Ф.П.Сороколетова. М.; Л., 1965–2010. Вып. 1–43 (издание продолжается).

КБ – *Черных А.В.* Куединские былички: Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX–XX вв. Пермь: Изд-во ПониЦАА, 2004. 114 с.

Список литературы с сокращениями

Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистическое исследование. М.: Индрик, 2007. 600с.

Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.

Власова М.Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб.: Северо-Запад, 1995. 383 с.

Гура А.В. Гады // Словарь Дом Сварога. Славянская мифология. URL: <http://pagan.ru/slowar/g/gady0.php> (дата обращения: 17.01.2013).

Ожегов – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. 944 с.

Русинова И.И. Еще раз об облике бесовском. Статья 1 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010а. Вып.3(9). С.18–25.

Русинова И.И. Еще раз об облике бесовском. Статья 2 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010б. Вып.6(12). С.13–17.

Русинова И. И. Вербализация представлений о связи колдуна с нечистой силой (на материале лексики пермских говоров и мифологических

рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып.2(14). С.15–23.

РДС – Русский демонологический словарь / Авт.-сост. Т.А.Новичкова. СПб.: Петерб. писатель, 1995. 640 с.

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И.Толстого. М.: Междунар. отн., 1999. Т.2. 702 с.

Условные сокращения районов Пермского края

Бард. – Бардымский, Больш. – Большесосновский, Гайн. – Гайнский, Добр. – Добрянский, Ильин. – Ильинский, Караг. – Карагайский, Краснов. – Красновишерский, Куед. – Куединский, Кунг. – Кунгурский, Нытв. – Нытвенский, Солик. – Соликамский, Сукс. – Суксунский, Черд. – Чердынский, Чернуш. – Чернушинский, Юрл. – Юрлинский, Юсьв. – Юсьвинский.

MOTIVATIONAL ANALYSIS OF THE NAMES OF “OBSESSING” SPIRITS (on the data of Perm Krai dialects and mythological stories)

Irina I. Rusinova

Reader of General and Slavonic Linguistics Department
Perm State National Research University

In the article on the data of the Perm tradition the motivational models of the nomination of spirits, obsessing a man, are regarded. The motivating domains determining the nominations “Demon”, “Man”, “Animal” and “Subject” are identified. The most productive semantic domain is “Man”. It includes the following motivational groups: man’s names (including proper names), man’s actions, pronounced sounds and articulated speech. A significant role in production of the spirits’ names is played by the motivating group “Man with supernatural abilities”. The second significant domain is “Animal”, which contains entomological lexis. Thus, the principal motivational models of the nomination of spirits “obsessing” a man are anthropomorphical and zoonimic.

Key words: folk demonology; people with supernatural abilities; man obsessing spirits; Perm dialects; Perm Krai mythological stories; demonological lexis.